

УДК 81'373, 72
ББК 81.2-3

К.И. Мизин

**СИСТЕМНЫЕ МАРКЕРЫ
КОМПАРАТИВНОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ:
КОГНИТИВНОСТЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ
НЕМЕЦКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ,
УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ
КОМПАРАТИВНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЙ)**

В статье предлагается сопоставительное изучение одного из системных маркеров компаративной фразеологии — когнитивности — на материале близкородственных и отдалённородственных языков. В результате такого изучения выявлены некоторые пути раскодирования, накопленных в КФЕ языковых и культурных знаний.

Ключевые слова: *компаративная фразеология, когнитивность, концепт, этнокультура, ментальность.*

Мизин Константин Иванович — канд. филол. наук, доцент кафедры общего и украинского языкознания Киевского национального лингвистического университета
Тел.: 8 (0-53-6)-74-11-12
E-mail: mizin@vizit-net.com

© К.И. Мизин, 2009 г.

Компаративную фразеологию — как семиотический и семантический феномен — формируют компаративные фразеологические единицы (КФЕ), разносторонний лингвистический анализ которых проведен в многочисленных работах на материале как типологически близких, так и дистантных языков. В этой связи следует выделить труды таких языковедов, как Н.Ф. Алефиренко, Х. Вальтер, А.В. Кунин, Л.А. Лебедева, В.М. Мокиенко, В.М. Огольцев, А.Г. Назарян, Ж. Финк и др. Однако КФЕ, образующие открытую и динамическую систему языковых единиц [Лебедева, 1999, с. 3], исследованы в недостаточной мере, особенно в сопоставительном аспекте. Единственной попыткой системного описания компаративной фразеологии в современном языкознании на материале как славянских, так и германских языков стала монография К.И. Мизина «Компаративна фразеологія» [Мизин, 2007].

Системоформирующей квинтэссенцией компаративной фразеологии является сравнение, которое определяет основополагающие принципы КФЕ, — (1) антропоцентричность и (2) аксиологичность. Бесспорными аргументами, позволяющими говорить о базовом статусе этих принципов, является, во-первых, положение о том, что сравнение имманентно исключительно человеку и только он может быть адресантом и адресатом сравнения, следовательно,

последнее антропоцентрично. Во-вторых, антропоцентричность сравнения предопределяет его аксиологичность, потому что антропоцентрическая категория не может не быть оценочной, и наоборот, по своей природе оценка антропоцентрична (детальнее об этом: [Приходько, 2004, с. 24]). Поэтому сравнение считается основной операцией аксиологического познания, которое определяет его как функциональную основу формирования ценностных концептов и ценностных суждений [Чекулай, 2006, с. 127].

Эти принципы компаративной фразеологии выстраиваются на фоне ее системных маркеров — универсальности и когнитивности, потому что:

1) сравнение — как операция мышления в сознании человека — универсально. Универсальность сравнения определяет достаточно широкую степень репрезентации КФЕ в разных языках. Однако нами акцентируется не столько частотно-количественный параметр универсальности систем устойчивых сравнений, сколько качественно-оценочный, так как в корпусах КФЕ анализируемых языков мы выделяем (1) универсальные, (2) фреквентивные, (3) специфические и (4) уникальные единицы, т.е. универсальность компаративной фразеологии объясняется в большей степени как квалификативный параметр семантики КФЕ;

2) сравнение — когнитивно, поскольку оно является трансцендентальным инструментом при познании человеком объективного мира. Когнитивная функция — одна из важнейших для сравнения [Лебедева, 1999, с. 11; М'яснянкина, 2002 с. 8]. Считается даже, что сам процесс мышления является сравнением (см. детальный анализ: [Жаркова, 2004, с. 11-12]). Поэтому сравнение принимает непосредственное участие в формировании сознания, а следовательно, и ментальности как отдельного носителя языка, так и народа в целом. Это позволяет декларировать тезис, что сравнение является способом познания мира и способом закрепления результатов этого познания в культуре (В.А. Маслова).

Следовательно, в пределах КФЕ прослеживается симбиоз языка и культуры, который есть ключ, раскрывающий особенности мировосприятия и миропонимания этнокультур и релевантные черты их ментальностей, всесторонний анализ которых является предметом исследования многих отраслей человеческого знания, что свидетельствует об актуальности таких изысканий. Эта актуальность определяет цель предлагаемой статьи — раскодирование накопленных в КФЕ языковых и культурных знаний на фоне сопоставительного изучения одного из системных маркеров компаративной фразеологии — когнитивности — на материале близкородственных и отдалённородственных языков, что свидетельствует о научной новизне этого исследования.

При декларировании термина «когнитивность», как системного маркера компаративной фразеологии, мы считаем его производным от термина «когнитивный», мотивирующим источником которого является другой термин «когниция» [Кубрякова, 2001, с. 8]. То есть, «когнитивный» — это «познавательный», но речь идет в первую очередь о познании повседневном, непосредственном, таком, которое важно для взаимодействия человека с миром обычной его жизни. При этом «когнитивность» объясняется нами в духе Ст. Рида, М. Шварц и др.: это не только получение и приобретение знаний, но и их использование (разного рода манипуляции со знаниями, работа с информацией).

Познавательная информация аккумулируется в образах-эталонах КФЕ [Мизин, 2007, с. 40]. Познавательная функция имманентна образам-эталонам априори, потому что главным методом разных уровней сознания чаще всего является метод сравнения, поиск эталона [Дубинин, Гуслякова, 1985, с. 24]. Эталонность, ориентация субъекта на определенные образцы, стереотипы — это то объединительное начало, тот общий структурный принцип, который синтезирует процессы восприятия, познания и языковую картину мира [Аругюнова, 1987, с. 9].

Изучение когнитивного аспекта формирования КФЕ подтверждает тезис о том, что чем ниже уровень абстрагированного мышления человека, тем большая вероятность «подведения» объектов окружающего мира под универсальные категории: неусложнённые моносимильные КФЕ часто демонстрируют скрещивание языковых (собственно КФЕ) с неязыковыми (перцептивными) универсалиями. Результатом этого скрещивания являются универсальные (или фреквентивные) устойчивые сравнения, существование которых свидетельствует об универсальности семантической основы мира.

Однако даже при общем источнике возникновения КФЕ (Библия, произведения художественной литературы и т.п.), не говоря уже о случаях их параллельного формирования в разных лингвокультурах на основе изоморфности внешнего мира, когниция носителей того или иного языка может вносить определенные этнокультурные «коррекции» в семантику таких универсальных единиц. Приведем пример: универсальной для КФЕ англ. *as white as snow* (досл.: белый, как снег) — «белый как снег, белоснежный»; нем. *weiss wie Schnee* (досл.: белый, как снег) — «белый как снег»; укр. *білий як сніг* — «1. О светловолосом человеке. 2. О седом человеке»; рус. *белый как снег* — «1. О чем-либо (одежда, ткани, мебель, соль и т.п.) ослепительно белом, очень чистом. 2. Об очень белых клубах дыма, пара, тумана и т.п. 3. О белолицей, белокожей, красивой девушке. 4. Об очень бледном (от страха, нервного шока или волнения) человеке. 5. О чьих-либо абсолютно седых волосах» [Кунин, 1984, с. 819; Мизин, 2005, с. 161; Юрченко, Івченко, 1993, с. 140; Мокиенко, 2003, с. 396—397] — является семантика белого цвета, имеющая, как

известно, еще библейские истоки. Концепт «белый цвет» образует концептуальный фон КФЕ всех анализируемых языков (концептуальный фон — это один или несколько концептов, которые актуализируются в результате «отсеивания» многих гипер- и гипоконцептов при фразеологизации того или иного устойчивого сравнения; имя этого концепта (концептов) совпадает, как правило, с именем образа-эталона, хотя часто прослеживается тесное семантическое пересечение концептуального фона с основой сравнения). Однако в английском и немецком языках этот концепт индуцирует семантику белого цвета предметов, в украинском языке — исключительно семантику белого цвета волос человека (светлые волосы и седину), а в русском языке концептуальный фон сравнения *белый как снег*, кроме концепта «Белый цвет», образуют концепты «Белоснежный», «Чистый», «Дым», «Пар», «Туман», «Красавица», «Страх» и др.

Как видим, эталонизация образа КФЕ является смежной концептуализации. Как эталонизация предусматривает концептуализацию, так и концептуализация может происходить на основе эталонизации, поэтому бесспорным является факт активного участия при формировании универсальных концептов компаративной фразеологии как универсальной фразеологической системы.

Однако даже универсальные концепты облигаторно имеют этнокультурную валоративную составляющую [Приходько, 2008, с. 55]. Это и является причиной этнокультурных сдвигов семантики универсальных (фреквентивных) КФЕ, которые могут возникать при их функционировании, «провоцируя» даже смещение образов-эталонов в разных языках, например, (1) *глазного яблока на зеницу* (англ. *guard (watch) smb., smth. like the apple of one's eye* (досл.: беречь, как чье-либо глазное яблоко) — «беречь как зеницу ока» → нем. *etwas wie den eigenen Augapfel hüten* (досл.: беречь, как собственное глазное яблоко) — «беречь как зеницу ока» → укр. *берегти як зінницю ока* — «бережно, пристально оберегать» → рус. *беречь (хранить, оберегать, стеречь) кого, что как зеницу глаза* — «об исключительно заботливым, старательным, пристальном сохранении, сбережении кого-нибудь, чего-нибудь» [Квеселевич, 2000, с. 238; Мизин, 2005, с. 21; Юрченко, Івченко, 1993, с. 60; Мокиенко, 2003, с. 139]; или (2) *ладони на щепотку* (англ. *to know smb., smth. like the palm of one's hand* (досл.: знать кого-нибудь, что-нибудь, как ладонь чьей-либо руки) — «знать кого-нибудь, что-нибудь как свои пять пальцев» → нем. *jemanden kennen wie den kleinen Finger* (досл. кого-нибудь знать, как малый палец (мизинец) — «кого-нибудь очень хорошо знать» → укр. *знати як свої п'ять пучок* — «очень хорошо знать» → рус. *знать как свои пять пальцев* — «1. О чем-либо очень хорошо, надежно, с наименьшими деталями знания чего-либо. 2. Об истинном, всестороннем и полном знании преимуществ и недостатков какого-либо челове-

ка» [Кунин, 1984, с. 430; Kürper, 1995, с. 236; Юрченко, Івченко, 1993, с. 125; Мокиенко, 2003, с. 305].

Эти «сбои» в концептуализации мира разных народов нами исследованы на основе двух гипотез, определяющих преференции при номинации окружающей действительности разными языковыми сообществами, — гиперо-гипонимичной и объектно-акциональной [Мизин, 2008, с. 168 — 172]. С помощью упомянутых гипотез можно обнаружить новые (когнитивные и этнопсихологические) аспекты этнокультурного влияния на концептуализацию объективной действительности тем или иным языковым сообществом.

Но чем сложнее ассоциации, которые лежат в основе (полисемических) сравнений, тем больше им имманентны лингвоспецифические и этнокультурные квалификации, например, чтобы раскрыть причины поляризации значения (энантиосемии) украинской КФЕ *дбає як за ковбасу в піст* — «не заботится, безразлично относится» [Юрченко, Івченко, 1993, с. 72] необходимо ремотивировать внутреннюю форму этого сравнения, т.е. раскодировать семиотическую информацию, сконденсированную в нем. Для этого говорящий должен владеть пресуппозитивными и имплицативными знаниями: фразеобразовательным здесь стал когнитивный сценарий, индуцирующий стереотип об украинцах как о набожных людях, которые сурово придерживались постов и, соответственно, не употребляли в пост колбасу.

Как релятивная, или операциональная, понятийная категория, сравнение лежит в основе схем организации таких структур представления знаний, как концепты [Демирова, 2003]. Поэтому когнитивный аспект исследования КФЕ заключается не только в раскрытии гносеологических основ при назывании говорящим объективного мира с помощью этих единиц, так как сравнение лежит в основе общего процесса познания человеком окружающей действительности, но и в сопоставительном анализе универсальных и идиоэтнических концептов, в формировании и репрезентации которых принимают участие КФЕ.

В этой статье мы солидарны с определением концепта как многомерного ментального образования (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, А.Н. Приходько, Е.А. Селиванова, Г.Г. Слышкин и др.), которому приписывают качественно разные понятийную, перцептивно-образную и ценностную составляющие (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, А.Н. Приходько и др.). Интегрирующим базисом тандема *концепт — КФЕ* надо считать перцептивно-образную составляющую, аккумулирующую с помощью универсальных или идиоэтнических образов информацию экстралингвального характера.

Концепты являются «созидательной энергией» устойчивых сравнений, той когнитивной и лингвокреативной энергией, которая селективно направляет на образ-эталон той или иной КФЕ симбиозную

амальгаму всех концептов, принимающих участие в ее фразеологизации. В результате такой селекции появляется один (иногда больше, в зависимости от полисемичности или омонимичности устойчивого сравнения) концепт, который и является концептуальным фоном этой КФЕ, напр.: украинская КФЕ *голий як мати на світ народила* — «1) очень бедный; 2) совсем голый» [Юрченко, Івченко, 1993, с. 92] появилась в результате симбиозного взаимодействия гипер- и гипоконцептов «Бедность», «Обнаженность», «Мать», «Рождение», «Мир», хотя концептуальный фон анализируемой КФЕ формируют лишь два концепта — «Бедность» и «Обнаженность». Концептуальный фон русской КФЕ *(белый) как молоко* — «1. О белом полотне, цвете и т.п. 2. О густом, белом тумане, который стелется. 3. О чьей-либо матово-белой коже» [Мокиенко, 2003, с. 254] образуют три концепта — «Белый цвет», «Туман» и «Кожа человека», но при фразеологизации происходило взаимодействие, кроме названных, и таких концептов, как «Еда», «Напиток», «Кушанье», «Здоровье», «Жизненные силы», «Жизненный опыт», «Мать» и др., принадлежащих к гиперконцепту «Молоко» или пересекающихся с ним.

Этнокультурному наполнению концептов способствуют образы-эталоны КФЕ, получающие при заимствовании из одной лингвокультуры в другую, как нами уже отмечалось, этнокультурные смыслы. При этом «чужие» образы-эталоны достаточно легко входят в концептуальную систему определенного лингвосообщества, создавая там часто неожиданный коммуникативный резонанс.

Этот интересный феномен можно проанализировать на примере немецкого устойчивого сравнения *arbeiten wie ein Galeerensklave* (досл.: работать, как галерный раб) — «работать как раб» [Мизин, 2005, с. 65], которое употребил В.В. Путин (в то время Президент России) на ежегодной конференции в Москве (14 февраля 2008 г.): «*Все эти 8 лет я пахал как раб на галерах с утра до ночи*» [Путин, 2008].

Это устойчивое сравнение быстро распространилось в русском языковом пространстве. В чем же причина такой беспрепятственной актуализации немецкого сравнения в сознании носителей русского языка? Возникает еще вопрос: с какой целью В.В. Путин употребил именно эту нераспространённую в немецком языке КФЕ? Предполагала ли это интенция говорящего? По нашему мнению, здесь видны две причины употребления анализируемой КФЕ: 1) языковая интерференция или трансференция (трудно определить, что в этом случае доминировало), связанные с немецким периодом карьеры В.В. Путина; 2) изоморфность когнитивных структур в границах европейского языкового пространства. Первую определим как когнитивно-этнокультурную, а вторую — когнитивно-прагматическую.

Как известно, этнокультурное сознание может задействовать резистентные или антирезистентные языковые механизмы когниции при заимствовании «чужих» концептов. Но когда имеем дело со сравнением, то надо помнить, что «потребность в сравнении возникает при условии затруднённости, невозможности передачи своеобразия изображаемого предмета через прямое перечисление его признаков» [Самарская, 2006, с. 13]. При этом языковой механизм сравнения предстает как последовательный процесс: вначале выбирается субъект, который должен восприниматься как нечто новое, затем происходит подбор объекта сравнения, который должен быть хорошо знаком языковому коллективу. В нашем случае субъектом сравнения выступает В.В. Путин, а объектом — галерный раб: В.В. Путин получает новую характеристику благодаря объекту сравнения. И эта характеристика «раба» не была бы настолько новой без определения «галерный».

Значит, первая причина употребления КФЕ *пахать как раб на галерах* предусматривала речевую актуализацию универсального концепта «Рабский труд». Интенция говорящего состояла в поиске гиперболического образа собственной лепты, внесённой в развитие России. Здесь, безусловно, подходит употребление КФЕ, несмотря на снижение стилистического регистра высказывания. Одним из приёмов создания экспрессивности высказывания есть субституция. Поэтому при актуализации концепта «Рабский труд» ассоциативные связи вышли на КФЕ *пахать как раб*, а потребность создания большего влияния на реципиента способствовала контаминационной субституции последней за счёт немецкого образа-эталона *Galeerensklave* (галерный раб).

Что касается второй причины, то можно утверждать, что произошло не полное заимствование немецкой КФЕ русским языковым сознанием, а только её образа-эталона. Важной при заимствовании является когнитивная готовность заимствующей стороны «принять» именно фразеологический образ. Когниция устанавливает границу процесса заимствования: при контактировании языков переходят прежде всего те единицы, которые имеют прозрачный образ («живую» мотивацию), ибо непрозрачные для «чужого» языкового сознания компоненты образа, как правило, вообще не заимствуются [Földes, 2005, с. 329–330].

Поэтому и не возникло проблем с актуализацией в русской лингвокультуре образа-эталона *Galeerensklave*, чему способствовала также принадлежность КФЕ к фразеологизмам с чётким отображением общечеловеческого опыта [Левин-Штайнманн, 2004, с. 61], т.е. их образы-эталоны во многих культурно-лингвистических ареалах без особых трудностей связываются говорящими с аналогичными значениями.

Как видим, изоморфность когнитивных структур европейского языкового пространства, точнее когнитивная модель КФЕ, способствовала беспрепятственной адаптации и актуализации немецкой КФЕ *arbeiten*

wie ein Galeerensklave в русском языковом сознании. А факт употребления этого сравнения В.В. Путиным определил мгновенное его распространение в русском языковом пространстве (например, Юрий Белоус – президент ФК «Москва» – сказал о своих футболистах, что они «пахали как рабы на галерах» [Карташов, 2008]; употребил это сравнение и один из героев сериала «Солдаты»). Поэтому вполне понятной будет фиксация этой КФЕ уже в скором времени фразеологическими словарями русского языка.

Таким образом, сравнение имеет непосредственное влияние на формирование сознания, а следовательно, и ментальности как отдельного носителя языка, так и народа в целом. Сопоставительное изучение одного из системных маркеров компаративной фразеологии – когнитивности – на материале близкородственных и отдалённых языков продемонстрировало некоторые пути раскодирования, накопленных в КФЕ языковых и культурных знаний. Когнитивному наполнению концептов способствуют образы-эталонные КФЕ, получающие при функционировании этнокультурные смыслы. При заимствовании «чужие» образы-эталонные достаточно легко входят в концептуальную систему того или иного языкового пространства, создавая там часто неожиданный коммуникативный резонанс.

Литература и источники

1. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: К проблеме «языковой» картины мира // ВЯ. 1987. № 3.
2. Демирова М. Сравнение как способ презентации специфики русской и болгарской картин (моделей) мира // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен, 2003. Вып. 2.
3. Дубинин И.И., Гусякова Л.Г. Динамика обыденного сознания. Минск, 1985.
4. Жаркова У.А. Синтаксис сравнения. Логико-лингвистический подход. КД. Пермь, 2004.
5. Карташов А. «Пахали как рабы на галерах» // URL: <http://zeta.ru/sport/rfc>
6. Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь. М., 2000.
7. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2001. Вып. 1.
8. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.
9. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. АКД. Краснодар, 1999.
10. Левин-Штайнманн А. Лингвоспецифический компонент при оформлении концептов фразеологизмами // Культурные слои во фразеоло-

- гизмах и дискурсивных практиках. М., 2004.
11. *Мізін К.І.* Німецько-український фразеологічний словник (усталені порівняння). Вінниця, 2005.
 12. *Мізін К.І.* Компаративна фразеологія. Кременчук, 2007.
 13. *Мизин К.И.* Этнокультурное влияние на языковую концептуализацию мира: верификация двух гипотез // Фразеология и когнитивистика. Т. 1 : Идиоматика и познание. Белгород, 2008.
 14. *Мокиенко В.М.* Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.
 15. *М'ясянкіна Л.І.* Порівняння в ідіостилі М.О. Шолохова: функціонально-семантичний і прагматичний аспекти. АКД. Харків, 2002.
 16. *Приходько А.И.* Семантика и прагматика оценки в современном английском языке. Запорожье, 2004.
 17. *Приходько А.М.* Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. Запоріжжя, 2008.
 18. *Путин В.* «Все эти 8 лет я пахал как раб на галерах ...» URL: <http://num.ru/news>
 19. *Самарская Т.Б.* Семиотическая характеристика сравнения как конструктивного элемента текста (на материале языка поэмы «Песнь о Гайавате»). АКД. Краснодар, 2006.
 20. *Чекулай И.В.* Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке. Белгород, 2006.
 21. *Юрченко О.С., Івченко А.О.* Словник стійких народних порівнянь. Харків, 1993.
 22. *Földes Cs.* Kulturgeschichte, Kulturwissenschaft und Phraseologie: deutsch-ungarische Beziehungen // Deutsche Wortforschung als Kulturgeschichte. Wien, 2005.
 23. *Küpper H.* Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, 1995.